

С.И. Варшавский

**Жизнь и Труды Первой
Государственной Думы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.И. Варшавский**
Жизнь и Труды Первой Государственной Думы / С.И. Варшавский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 290 с.

ISBN 978-5-517-87401-6

ISBN 978-5-517-87401-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Государственная Дума въ день открытія.

Миновали дни перваго русскаго парламента.

Колесница исторіи совершаетъ свой бѣгъ, и минувшіе дни, какъ вѣхи, уходятъ въ даль.

Оглянемся назадъ и остановимся на недавнемъ прошломъ.

Утро 27-го апрѣля.

Съ вечера 26-го апрѣля корреспондентамъ газетъ заявили, что билеты для входа въ Зимній дворецъ будутъ выдаваться утромъ 27-го въ бюро печати, помѣщавшемся на Конногвардейскомъ бульварѣ.

Но Конногвардейскій бульваръ для конногвардейцевъ, и уже съ 9-ти часовъ утра къ помѣщенію бюро «не пускаютъ»: ни справа, ни слѣва, ни спереди, ни сзади, и злополучные корреспонденты въкоторое время мечутся, такъ сказать, въ про-страпетвѣ.

Но вотъ черезъ боковыя улицы и переулки мы попали въ бюро.

Билетовъ нѣтъ и когда будутъ—непзвѣстно.

Проходитъ часъ и два, а билетовъ все нѣтъ.

— Да вы бы пошли справилсь въ министерствѣ,—обращаются къ корреспонденту одной изъ петербургскихъ газетъ.

— Съ удовольствіемъ, да вѣдь назадъ не попадешь!

Приходится считаться со справедливостью этого замѣчанія и ждать.

Передъ самыми окнами бюро строятся ряды конногвардейцевъ въ киверахъ и бѣлыхъ муштрахъ.

Музыка играетъ, и намъ начинаетъ казаться, что... билетовъ мы такъ и не получимъ.

Нѣкоторые настроены совсѣмъ пессимистически.

Но, наконецъ, принесли билеты.

Ихъ моментально расхватываютъ по рукамъ, и бюро быстро опустѣло.

Извозчики съ синими пропусками, прикрѣпленными къ шапкамъ (пропуски были присланы вмѣстѣ съ билетами), мчатся къ Дворцовой площади мимо рядовъ публики, старающейся разглядѣть проѣзжающихъ черезъ головы полицейскихъ и хвосты жандармскихъ лошадей.

А вотъ и площадь передъ Зимнимъ дворцомъ.

Полнція, жандармы, гвардейцы, конные и пѣшіе, синіе, бѣлые, красные, желтые, оранжевые—всѣхъ цвѣтовъ спектра и... кучки «союза русскаго народа» съ какими-то значками на груди.

Великолѣпная картица,—какъ пишутъ въ офиціозахъ,—картина, которой, согласно церемониалу, радуется яркое весеннее солнце.

Представителей печати пропускаютъ черезъ Малый Эрмитажный подъѣздъ.

Здѣсь, въ передней, на столѣ, разложены наши фотографіскія карточки, и какіе-то обязательные молодые люди сличаютъ фізіономіи входящихъ съ фотографіями.

Иногда по ихъ лицамъ пробѣгаетъ тѣнь сомнѣнія и недоувѣрія.

Да это и понятно.

Для дворца потребовали сверхъ ранѣе представленныхъ еще по двѣ фотографическихкія карточки, которыхъ у большинства корреспондентовъ не оказалось, и мы набануиъ ходили сниматься въ какую-то америкапскую электрическую моментальную фотографію. Фізіономіи вышли у всѣхъ черныя, а глаза бѣлые, мигающіе и на выкатѣ.

Насъ набирается много, человѣкъ 70. Много иностранныхъ корреспондентовъ съ характерными, бритыми фізіономіями.

Насъ довольно долго заставляютъ дожидаться въ передней. Вотъ привезли икону, передъ которой должно быть совершенно молебствіе. Икону сопровождаетъ діакопъ и полковникъ, но у полковника не оказывается именного пропуска, и дежурный дворцовый офицеръ, человѣкъ молодой, въ высокомъ, острокопечномъ, скопечномъ сзади киверѣ, отказывается его впустить.

— Но у меня ключи отъ святыни.

— Простите, но не могу!

Я—Дмитріевъ, полковникъ.

— Имѣю честь знать васъ лично, но не могу...

Офицеры щелкають шпорами, вѣжливо другъ съ другомъ раскланиваются, но младшій такъ и не рѣшается выпустить старшаго.

Появляется какой-то генералъ, и носителя ключей отъ святыни, наконецъ, выпускають.

Наконецъ, и насъ пригласили наверхъ. Мы поднимаемся по лѣстницѣ, быстро пропросимся по амфиладѣ великолѣпныхъ комнатъ, вызывая неодобрительныя улыбки старой дворцовой прислуги въ золотыхъ кафтанахъ, усѣянныхъ гербами, и попадаемъ на хоры троннаго Георгіевскаго зала.

Великолѣпный залъ съ бѣлыми мраморными колоппами, съ инкрустированнымъ поломъ и золоченымъ потолкомъ.

Смотримъ внизъ. Тамъ еще пусто, и лишь время отъ времени по залу проходятъ церемоніймейстеры и лакеи.

Вотъ начинаютъ появляться сановники и генералы. Залитые золотомъ мундиры, съ ключами пониже поясицы и безъ ключей, ленты голубыя, синія, красныя съ широкой и узкой каймой и совсѣмъ безъ каймы, звѣзды, ордена, блескъ и сіяніе.

Особенно выдѣляются мундиры сенаторовъ. Вотъ, прихрамывая, медленной поступью проходитъ по залу старичокъ-сенаторъ, маленькій, сутулый, съ небольшою сѣдой головой. За нимъ другой, потолще, съ пергаментнымъ лицомъ, лишеннымъ усовъ, но окаймленнымъ бородой. Это—извѣстные ученые, юристы, которыхъ не разъ приходилось видѣть въ обшлаговеппой житейской обстановкѣ, въ скромныхъ сюртукахъ, на каедрѣ.

И такъ странно выглядятъ эти почтенные ученые въ своихъ бѣлыхъ папалонахъ и красныхъ мундирахъ!

Вотъ они подошли къ группѣ другихъ старцевъ въ такихъ же яркихъ костюмахъ...

Правая сторона отъ трона наполнилась, и черезъ входныя двери узкой, черной лентой потянулись они, непривычные гости этихъ чертоговъ.

И стали лицомъ къ лицу.

Представители старой, сановной Руси во всемъ блескѣ и сіяніи своихъ мундировъ и регалій и люди новой Россіи, первые представители русскаго народа.

Согласно церемониалу, новые люди стали по лѣвую сторону отъ трона.

Такого размѣщенія требовалъ этикетъ, но въ ту минуту казалось, что въ этомъ размѣщеніи есть болѣе глубокой смыслъ.

Начался церемоніаль Высочайшаго выхода.

Послѣ торжественнаго молебствія, Государь Императоръ возшелъ на тронъ и произнесъ тронную рѣчь.

Приводимъ ее буквально:

«Всевышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повѣлялъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ и горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода,—необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнится горячее Мое желаніе видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ послѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія правственнаго облива земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Ироступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа. Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ».

Третья рѣчь была встрѣчена громовымъ «ура».

Государь сошелъ съ трона, и шествіе, согласно церемониалу, направилось къ выходу изъ зала подъ звуки гимна оркестра, размѣщеннаго на хорахъ.

По оставленіи зала Высочайшими Особами всѣ поспѣшали къ выходу, и золотые мундиръ слились съ мужицкими армяками,—старая Русь слилась съ новою въ одинъ потокъ.

Государь Императоръ, слѣдуя къ выходу изъ троннаго зала, пристально всматривался въ лица депутатовъ. Сановники, согласно придворному этикету, склонялись.

Ряды депутатовъ неподвижно и безмолвно провожали глазами Государя.

Изъ роскошныхъ палатъ Зимняго дворца представители народа направились на мѣсто своего высокаго служенія.

На улицахъ ихъ ждалъ народъ. Стиснутый полиціей и жандармами, онъ неудержимой лавой течетъ по пути слѣдованія депутатовъ и привѣтствуетъ ихъ восторженными кликами. Тысячи рукъ тянутся къ избранникамъ народа. Шапки мелькаютъ въ воздухѣ. Душа просилась на волю. Тысячи голосовъ слились въ одинъ кликъ: «Привѣтъ! Да здравствуетъ Дума! Слава избранникамъ народа!» А они, избранники народа, шли и ѣхали между его рядами, обнаживъ головы и отвѣчая на привѣтствія. По вотъ и Таврической дворець. Толпа совершенно запрудила улицу и, вытянувшись шпалерами, образовавъ изъ высоко поднятыхъ рукъ галерею, пропустила народныхъ представителей. Они шли какъ бы подъ покровомъ и благословеніемъ народа. И повые крики со всѣхъ сторонъ. Крики измученной души народной, 'мошцы и властные—свободы и амнистіи!

Депутаты проходили съ обнаженными головами. Я никогда не забуду одного момента. Крестьянинъ-депутатъ, коренастый, сильный, съ большой черной бородой, вдругъ обратился къ своему спутнику, тоже депутату, и закричалъ:—«Прохоръ Степанычъ, видалъ ты этакое?!»—Онъ не договорилъ, но лицо его сіяло такою радостью, какой мнѣ никогда не приходилось встрѣчать на лицахъ пожилыхъ крестьянъ... Да, это былъ день высокаго, могучаго подъема. Трудно и тяжело вспомнить о немъ теперь, въ наши черные, страшные дни... Такой радости, такого подъема придется ждать долго. Вѣра разрушена, и такіе моменты не скоро повторяются. На память сама собою напрашивается одна параллель. Въ исторіи Петербурга былъ еще одинъ великій, свѣтлый день—5-го марта, день объявленія манифеста отъ 19-го февраля. Но этотъ день, по воспоминаніямъ современниковъ, прошелъ въ Петербургѣ почти безслѣдно въ смыслѣ вѣдшихъ проявленій. Историки того времени объясняютъ этотъ фактъ «робостью, забитостью и неуверенностью народа, издавна привыкшаго быть объектомъ безцеремонной расправы со стороны начальства» (см.

Джаншиевъ. «Эпоха великихъ реформъ»). Прошли десятки лѣтъ, народъ продолжалъ оставаться объектомъ всякаго рода расправъ, но всесильный духъ времени сдѣлалъ свое могучее дѣло, и 27-го апрѣля былъ уже другой народъ. Это были ужъ не рабы, а граждане, встрѣчающіе своихъ избранныхъ...

По вотъ и Таврическій дворець. Обширный, длинный, овальный аванзалъ со своей двойной бѣлой колоннадой и чуднымъ, расписнымъ потолкомъ полонъ оживленною толпой новыхъ хозяевъ. Идетъ торжественное молебствіе.

Въ 5 часовъ дня, послѣ окончанія молебствія, члены Думы собрались въ залѣ засѣданія. Полукруглый, сіяющій бронзой своихъ тяжелыхъ люстръ и свѣжей бѣлизной стѣнъ, сверкающій новой, свѣтло-сиреневой кожаной обивкой депутатскихъ мѣстъ, залъ, казалось, съ трудомъ вмѣстилъ этихъ людей, притекшихъ на великое дѣло со всѣхъ концовъ земли русской. Депутаты занимаютъ мѣста. Ложи полны бюрократической знати. Въ правой ложѣ отъ предсѣдательской трибуны весь кабинетъ, съ Горемыкинымъ во главѣ. На предсѣдательской трибунѣ появляется небольшого роста, сѣдой какъ лунь, старикъ, въ блескѣ своихъ лентъ и орденовъ. Это—статсъ-секретарь Фришъ, на котораго возложено порученіе открыть первое засѣданіе Государственной Думы. Г. Фришъ произноситъ привѣтственную рѣчь. Это первое слово, съ которымъ старшій бюрократическій міръ обратился къ народнымъ представителямъ, и мы приводимъ эту рѣчь цѣликомъ.

«Исполняя волю Государя Императора, я счастливъ, что въ настоящій великій и торжественный для всей Россіи день мнѣ предоставляется высокая честь привѣтствовать васъ, господъ избранниковъ русскаго народа, созванныхъ Монархомъ для предстоящихъ вамъ важныхъ и отвѣтственныхъ трудовъ на поприщѣ совершенствованія и обновленія нашего законодательства. Вамъ, господа, предстоить историческая задача, и вы благоустою все-милостивѣйшаго Государя въ силу основнаго закона объ учрежденіи Государственной Думы получили полную возможность работать и работать усиленно для устанавленія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ законности и устоевъ незыблемаго законопорядка. Вы призваны къ широкому участію въ законодательной дѣятельности, вамъ выпала счастливая доля работать въ полномъ свѣтѣ публичности и гласности и при полной свободѣ слова. Каждый шагъ, вами сдѣланный по новому пути, каждая возникшая или высказанная среди васъ мысль немедленно сдѣлается достояніемъ

всего народа, который при помощи печати будетъ зорко слѣдить за всѣми вашими дѣйствіями и начинаніями. Да воодушевить васъ Господь любовью къ русскому народу, дабы вы поняли сердцемъ вашимъ всѣ многообразныя пужды обширной нашей родины. Да просвѣтитъ Онъ васъ мудростью своею, дабы вы могли совмѣстно съ Государственнымъ Совѣтомъ разрѣшить всѣ законодательные вопросы, которые будутъ подлежать вашему разсмотрѣнію. Отъ всей души желаю вамъ, господа члены Думы, успѣшнаго веденія вашихъ сложныхъ трудовъ въ плодотворной дѣятельности на пользу Россіи. Объявляю засѣданіе открытымъ и предлагаю господамъ членамъ Думы, на точномъ основаніи 34-й статьи учрежденія Думы, выслушать текстъ торжественнаго обѣщанія членовъ Думы, подписать его и послѣ этого приступить къ избранію предсѣдателя Думы».

Рѣчь кончена,—гробовое молчаніе.

Г. Фришъ предлагаетъ избрать предсѣдателя Государственной Думы.

Депутаты опускаютъ въ ящики записки. Начинается подсчетъ. Имена выставленныхъ на запискахъ кандидатовъ выкликаютъ.

«Муромцевъ... Муромцевъ... Муромцевъ...—только и слышится въ залѣ. Изрѣдка оглашается какое-нибудь другое имя, и потомъ опять: «Муромцевъ... Муромцевъ... Муромцевъ...» Муромцевъ получаетъ 426 голосовъ изъ 436—результатъ прямо поразительный.

Предсѣдатель перваго русскаго парламента избранъ, и на возвышеніи появляется изящная, величественная фигура г. Муромцева, облеченная во фракъ—костюмъ гражданина. Г. Фришъ пожимаетъ ему руку и уступаетъ предсѣдательское мѣсто. С. А. Муромцевъ, не отвѣчая на рѣчь г. Фриша, предоставляетъ слово Н. П. Петрункевичу.

На кафедрѣ русскаго парламента впервые появляется ораторъ изъ числа избранниковъ народа. И его первое слово—объ амнистіи!

— Долгъ, обязываетъ насъ, всѣхъ здѣсь собравшихся, первое наше свободное слово посвятить тѣмъ, кто своими страданіями, своею неволею, своими годами тюремныхъ сидѣній проложилъ намъ путь къ свободѣ. Наше первое слово о нихъ, о борцахъ за свободу, о мученикахъ за нее. Мы требуемъ амнистіи для нихъ.

Къ намъ, избранникамъ народной воли и первымъ охранителямъ ея, тянутся изъ тюремъ, изъ каторги, изъ сибирскихъ изгнаній тысячи рукъ и требуютъ:

— Амнистія, амнистія! Вы—тамъ, въ пародной Думѣ, цѣною нашей борьбы и нашихъ страданій. Помните насъ.

Мы помнимъ ихъ. Мы не можемъ, не смѣемъ, не должны ихъ забыть. И мы говоримъ:

Амнистія!

— Амнистія всѣмъ борцамъ и мученикамъ за свободу!

Послѣ, въ отвѣтъ на тронную рѣчь, мы особо будемъ говорить объ амнистіи, но и сейчасъ, въ своемъ первомъ словѣ въ первомъ засѣданіи пародной Думы, мы говоримъ:

— Амнистія!

Рѣчь Петрункевича покрывается бурными аплодисментами. Онъ покидаетъ кафедру. Только послѣ этого С. А. Муромцевъ обращается къ собранію съ привѣтственнымъ словомъ.

— Благодарю за высокую честь избранія, по теперь, конечно, не время для личныхъ благодарностей. Предстоитъ великое дѣло. Воля народа впервые получила возможность дѣлательно участвовать въ законодательномъ устройствѣ Россіи. Впереди великій подвигъ. Дай Богъ, чтобы у членовъ Думы хватило силъ. Мы будемъ работать. Наша задача: во-первыхъ, подобающее уваженіе къ прерогативамъ *конституціоннаго Монарха*.

Залъ дрогнулъ отъ аплодисментовъ: завѣтныя слова произнесены передъ лицомъ всего міра съ трибуны первого русскаго парламента.

Г. Муромцевъ продолжаетъ:

— Во-вторыхъ, осуществленіе правъ, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства.

Первый актъ великаго дѣла законченъ. Въ двухъ фразахъ намѣчены лозунги, которые должны были лечь въ основу предстоящей дѣятельности первой Государственной Думы.

Намѣчается время слѣдующаго собранія.

Въ виду того, что вновь избранный предсѣдатель обязанъ явиться къ Государю, второе засѣданіе Думы назначено на субботу: въ пятницу предсѣдатель народнаго собранія представляетъ Государю.

Засѣданіе закрыто.

Депутаты волной хлынули изъ Таврическаго дворца

Ихъ ждали толпы восторженно настроеннаго народа. Снова привѣтствія, елики, несмолкаемое «ура», восторженныя, исполненные энтузіазма, рѣчи среди мостовой, передъ народною толпой—эта яркая радость и незабвенный подъемъ великаго историческаго дня.

Свершилось! Россійская имперія вступила въ среду конституціонныхъ государствъ.

Въ тѣ дни кипѣла жизнь, тогда рождались надежды, смѣлыя мысли, свободное слово, чуялась великая мощь тѣхъ незримыхъ миллионныхъ людей, которые стояли за этими непостижимыми изобретеніями.

II.

Амнистіи, амнистіи!

Минулъ день открытія, прошелъ слѣдующій день, въ который С. А. Муромцевъ являлся съ докладомъ къ Государю Императору объ открытіи Думы, и 29-го апрѣля, въ 11 час. 30 мин., Государственная Дума приступила къ очереднымъ своимъ дѣламъ. Часть дня посвящена дебатамъ о выборахъ президіума Думы. Дума сознаетъ великую важность предстоящихъ ей задачъ и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы сократить формальную процедуру. Къ половинѣ дня уже были извѣстны результаты выборовъ.

Оказались избранными: товарищами предсѣдателя: кн. П. Д. Долгоруковъ (382 изб.), проф. П. А. Гредескулъ (372), секретаремъ—кн. Д. П. Шаховской (380), помощниками секретаря: Г. П. Шапошниковъ (385), Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (374), С. М. Рыжковъ (368), Г. Ф. Шершеневичъ (362) и Ш. А. Понятовскій (330). Президіумъ избранъ. Предсѣдатель обращается къ собранію: Ѳ. П. Родичевымъ внесено предложеніе, которое гласитъ слѣдующее:

— Предлагаю членамъ Государственной Думы, во-первыхъ, обратиться къ Его Императорскому Величеству Государю Императору со всеподданнѣйшимъ адресомъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь; во-вторыхъ, избрать комиссію изъ 33-хъ лицъ для составленія адреса; въ-третьихъ, по предрѣшая вопроса о содержаніи адреса, возложить на обязанность комиссіи включить въ адресъ заявленіе о безусловной необходимости нынѣ же объявить полную амнистію (*амлодисменты*) по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій. Я спрашиваю Государственную Думу, желаетъ-ли она, чтобы на первую очередь было поставлено предложеніе Родичева? Когда угодно приступить къ его обсужденію? Сегодня же?

Дума ждала этого предложешя. Еще когда въ началѣ засѣданія предсѣдатель читалъ привѣтствіе, присланное группой заключенныхъ, залъ потрясъ отъ кликовъ: «Амнистія, амнистія»!

И предложеніе Родичева было встрѣчено взрывомъ единодушныхъ аплодисментовъ. Дума потребовала его немедленнаго обсужденія.

На кафедрѣ появляется г. Родичевъ.

— Господа, предложеніе, которое я внесъ, не партійно, это дѣло не одной партіи, это дѣло всенародное, дѣло великое. дѣло національное. Партій въ этомъ великомъ дѣлѣ не должно быть. Не судьбы закона мы теперь рѣшаемъ. Амнистія, помилованіе—прерогативы Монарха, и наше заявленіе есть заявленіе всего страдающаго народа, обращенное къ Монарху. То слово, которое мы должны сказать, не истекаетъ изъ нашего желанія: это мольбы, требованія и желанія всего русскаго народа, и слава Богу, что есть еще время высказывать желанія. Во время избирательной кампаніи всюду высказывалось одно желаніе. раздавалось одно слово: «Амнистія». И это требование всего народа, не только потерпѣвшихъ, не только близкихъ имъ. За это ужасное время пострадали не всѣ, но всѣ рѣшительно потерпѣли отъ кровавыхъ событій, истомившихъ родину. Теперь ужъ кровь не такъ часто льется, но еще въ апрѣлѣ было 99 смертныхъ казней, и это въ страдѣ, которая гордилась отсутствіемъ смертной казни, о чемъ намъ твердили съ учительской кафедры. Будемъ же требовать измѣненія этихъ условій, потребуемъ созданія такихъ условій существованія, при которыхъ былъ бы возможенъ миръ, была бы возможна созидательная работа. Здѣсь, гдѣ мы собрались по волѣ пославшаго насъ народа, эти кровавые призраки витаютъ въ этомъ залѣ, и ихъ нужно убрать, чтобы мы были въ состояніи работать. (*Громъ рукоплесканій*). Если кто думаетъ, что амнистія явится санкціей преступленія, тотъ глубоко заблуждается. Но, вѣдь, помилованные, они не перестанутъ совершать преступленій,—возражаютъ противники амнистіи. Неправда. Казни и расправы—вотъ что рождаетъ преступленія. Если вы дѣйствительно желаете уничтожить преступленія, возьмите на себя починъ и требуйте всепрощенія: вы совершите актъ высшей политической мудрости. Когда вся страна трепещетъ въ порывѣ обновленія, не портите радости народной скупостью, ограбленіями, торгомъ. Дайте милость широко: забудьте вину многихъ, и вамъ забудутъ многое. Не совершайте ошибки, роковой ошибки 21-го октября. Чтобы